

СТО ЛЕТ МАСТЕРУ

Их было немного — первопроходцев российской анимации. В сущности, горстка увлеченных чудом «ожившей графики» художников, фантазеров, выдумщиков, снимавших свои графические ленты на самоделных мультстанках. И хотя их привели в рисованное кино различные мотивы и побуждения — интеллектуальные, экспериментальные, публицистические, — все они очень скоро испытали на себе неотразимую магию нового искусства.

Что ж, попробуем мысленно пройти путем одного из Колумбов отечественной анимации — И.Иванова-Вано, который признавался: «очень часто нашей путеводной звездой была одна интуиция». Проплывем, пролетим вместе с ним по морям и океанам «на кораблях нашей фантазии» к неведомым землям.

Мне, можно сказать, повезло. Придя в мультипликацию в начале 60-х годов, я успел пообщаться со многими из легендарной когорты первооткрывателей: слушал воспоминания Юрия Меркулова, присутствовал на историческом студийном просмотре третьей, «закатной» версии «Почты» Михаила Цехановского, беседовал с «бабушками советской мультипликации» сест-

много усталого, ироничного и очень серьезного художника. Но в своих мультфильмах Иван Петрович всегда оставался прежде всего поэтом. И это поэтическое восприятие мира неповторимо преображало его творчество. Вот и образ — «Корабли фантазии нашей» был навеян, скорее всего, фольклорной поэтикой. Помнится, режиссер даже рассматривал этот образ как один из вариантов названия своей главной книги.

Мне иногда казалось, что и свою жизнь Иван Петрович воспринимает как бесконечное захватывающее путешествие в творимую им волшебную реальность. И право же, полсотни поставленных им рисованных, кукольных и перекладочных фильмов — вполне весомый аргумент для такого предположения.

Избрав столь романтический, но близкий природе анимационного кино способ странствий в самый воображаемый из экранных миров, художник с такой же поэтической определенностью обозначил направление и цель своих исканий: открывать неведомые земли и материи нового искусства...

Но решение этих задач требовало уже не метафорических, а вполне конкретных

сер определил свое главное направление в искусстве, ошеломив зрителей в послевоенные годы полнометражным рисованным фильмом «Конек-Горбунук», раскрывающим красочный мир сказочной Руси. Иванов-Вано делал его вместе со своим учеником художником Львом Мильчиным из ставшего легендарным первого выпуска художников-постановщиков мультипликации ВГИК, Авторы, по существу, утвердили русскую национальную изобразительную традицию в анимационном кино.

Лев Мильчин синтезировал в изобразительном строе фильма богатейший материал народных промыслов — деревянную и глиняную игрушку, пряничные доски, вышивки, народный лубок, а режиссер обогатил ленту выразительной игрой персонажей, лукавым и острым народным юмором.

Постоянно экспериментируя, осваивая новые темы, жанры, технологии, Иванов-Вано никогда не испытывал чувства страха: вдруг что-то не получится, и он принародно сядет в лужу, станет поводом для насмешек своих же коллег.

Ведь повесили же на студии к какому-то юбилею довольно едкий шарж на режиссера (да и другие ведущие мастера часто становились объектом удивительных по меткости шаржей) и сопроводили подписью: «хоть и неважное панно, зато здесь важное Вано»...

Еще в 30-е годы, работая над «Царем Дурандаем», режиссер задумал экранизировать «Левшу» Н.Лескова. Но прошло 30 лет, прежде чем он получил возможность осуществить замысел. Наверное, не каждый из маститых режиссеров решился бы в 63 года отбросить нарабатанный опыт, принесший ему авторитет, и вернуться к полузабытой, как многим казалось, примитивной технике плоских вырезных перекладок.

А он вернулся. Не побоялся. И наша анимация обогатилась еще одним шедевром — фильмом «Левша». Интуиция подсказывала мастеру, что колоритная форма сказа может быть адекватно выражена только в стилистике народного лубка, с его лаконизмом образов.

Своих студентов мастер загодя, исподволь ориентировал на выразительные возможности лубка. И нашелся-таки художник — Аркадий Тюрин, который почувствовал графическое богатство и неповторимое своеобразие русской народной гравюры, ее особую красочность и композиционную выразительность. К работе над фильмом режиссер привлек и других талантливых выпускников института — Марину Соколову и Анатолия Курицына. И хотя технология фильма долго уточнялась и совершенствовалась, с подачи аниматора Юрия Норштейна было найдено самое точное решение.

На занятиях со студентами ВГИК профессор не уставал повторять: «Запомните — перекладка обладает неисчерпаемыми возможностями обогащения изобразительной формы мультфильма».

Прошли годы, и фильмы Норштейна блестяще подтвердили правоту мэтра.

Мне вспоминается один давний случай, рассказанный известным аниматором «Союзмультфильма». В конце войны на студии проводился набор на курсы художников-аниматоров. На экзамене один талантливый молодой человек, блестяще выполнив задание, в финале сцены поступил крайне жестоко с фольклорным персонажем. Иван Петрович, входивший в экзаменационную комиссию, а может быть, даже возглавлявший ее, не выдержав, вскочил прямо в просмотровом зале и закричал: «Вон! Вон из студии!!!»

Говорят, он потом настоял, чтобы этого курсанта вообще отчислили с курсов. Нравственное чувство художника было оскорблено.

Удивительно, прошло столько лет, а рассказанный случай не забывается. Сегодня, смотря по телевидению зарубежные мультфильмы, порой вслед за Учителем, хочется кричать: «Вон! Вон с экрана!!!».

Недавно во ВГИКе на кафедре художественного факультета отмечалось столетие со дня рождения основателя «Мастерской художников-постановщиков мультипликационного фильма» Иванова-Вано.

Была устроена выставка работ художника. Собрались его друзья, ученики. Дочь Галина Ивановна поведала о курьезном случае, давшем толчок созданию мастерской. В 1938 году времена были суровые. Отца отчислили со студии за прогул. А в это время в Институте кинематографии создавался художественный факультет. Вот Иванову-Вано и предложили организовать Мастерскую мультипликации. Он согласился. Набрал небольшую группу молодых художников — и вскоре после войны они прославили нашу мультипликацию на весь мир.

Сегодня мастерскими руководят ученики Ивана Петровича, «шестидесятники»: Станислав Соколов, Сергей Алимов, Аркадий Тюрин, а также Леонид Носырев. Последний, хоть и не учился у Иванова-Вано, но по своим творческим установкам разделяет традиции вгиковской школы.

И еще. Очень хочется совершить путешествие «на кораблях фантазии нашей» в мир фильмов классика отечественной анимации, проплывать, пролететь над открытыми им землями и материками, ощутить поэзию и аромат древней сказочной Руси... Сценарий уже готов!

Анатолий ВОЛКОВ

НА КОРАБЛЯХ ФАНТАЗИИ НАШЕЙ

СК Новости - 2000 - 7 апр. - с. 7

100 лет — такой юбилей невозможно не отметить! Тем более, что эта сакральная дата связана с основоположником, одним из отцов великой русской школы мультипликации — Иваном Петровичем Ивановым-Вано.

творческих усилий и напряженных экспериментов. По своему психологическому и творческому складу Иванов-Вано — художник-исследователь, всю жизнь он был нацелен на поиск, эксперимент.

— Сколько себя помню, — признавался режиссер, — мы всегда что-то искали в мультипликации, открывали, обновляли, совершенствовали... В этом был для меня стимул творческого вдохновения. Наша работа над фильмом «Китай в огне» стала лабораторным этапом освоения техники плоской бумажной маэрионетки. Здесь мы осваивали специфику работы под съемочным станком... Подобно музыканту за роялем, мы свободно варьировали под станком движение, искали его характерный ритмический строй, импровизировали... Стремление непрерывно снимать, анализировать снятое не покидало нас ни на минуту. Таким путем мы восполняли отсутствие опыта...

И последнее признание художника: — За всю жизнь я очень много времени провел непосредственно у съемочного станка, и это необычайно помогло мне. Постепенно я познавал аппарат, возможности пленки, перемены экспозиции при нахождении наиболее выразительного решения кадра.

Одним из первых, вместе с Д.Черке-сом, он обратился к детской тематике, создав по мотивам стихотворной сказки Корнея Чуковского «Крокодил» фильм «Сенька-Африканец». «Уже после первого просмотра фильма, — вспоминает режиссер, — наблюдая за живой и непосредственной реакцией зрительного зала, я понял, что в лице детей мультипликация обретает самого чуткого и благодарного зрителя».

Очень современно по языку, графическому стилю, упрощенному под детский рисунок, выполненному обобщенной контурной «проволочной» ли-

рами Валентиной и Зинаидой Брумберг, брал интервью у Владимира Сутеева, встречался с Леонидом Амальриком...

С И.Ивановым-Вано у меня сложились добрые доверительные отношения, какие обычно бывают между учителем и учеником. Он вскоре стал руководителем моей диссертации во ВГИКе, и больше двух десятилетий мы находились в постоянном творческом общении, встречаясь на «Союзмультфильме», во ВГИКе, в уютной квартире мэтра, работая над рукописями. Казалось бы, за эти годы я хорошо изучил характер мастера, его привычки, манеру поведения, любимые словечки и поговорки, но подчас, когда дело касалось принципов, он мог взорваться, становился жестким, непримиримым, язвительным, раскрывая бойцовские черты своей личности.

Были в биографии режиссера факты, о которых он предпочитал не распространяться. В детстве ему удалось закончить лишь два класса приходской школы. Его мать, малограмотная крестьянка, перебравшись с семьей в Москву из Калужской губернии и оставшись вдруг без мужа, несколько лет выбивалась из сил, чтобы прокормить четверых малолетних детей.

В 14 лет Иван — мать с детства называла его ласкательно Вано — сам определяет свою судьбу, поступив на подготовительное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Его первыми учителями были художники Касаткин и Бакшеев. После преобразования училища во Вхутемас он выбирает мастерскую Ильи Машкова. Почему Машкова, а не Малевича или Кандинского? По признанию художника, его, как и многих других, например, сестер Брумберг, Юрия Меркулова, привлекала учебная программа Машкова, позволяющая восполнить пробел в образовании. В ту пору во Вхутемасе «все кипело, менялось, перестраивалось, ниспровергалось и утверждалось...» И выбрать в этом «невиданном сумбуре», как говорил Григорий Козинцев, одну из семнадцати художественных мастерских было не так уж и просто.

У Машкова была в ту пору замечательная идея — воссоздать в своей мастерской прообраз Школы живописцев эпохи Возрождения. Вспоминая о том времени, Ю.Меркулов выделял главное: «Машков раскрыл для нас в своих бесконечных рассказах и повествованиях огромную панораму искусства живописи всех времен и народов».

Для Иванова-Вано это был неоценимый опыт. Его дочь Галина Ивановна убеждена, что отец «сам себя создал», сам изучил и осмыслил не только опыт мирового изобразительного искусства, но и литературы, русской классики, фольклора, прикладного искусства. На студии «Союзмультфильм» в 60-70-е годы, пожалуй, трудно было отыскать режиссера, который мог бы сравниться с ним по эрудиции, пониманию тонкостей народного искусства — разве что его же ученики.

Но не эти качества определяли в первую очередь его человеческую и творческую самобытность. Его внешность казалась обманчивой. Могутиый, чуть сутулый, он производил впечатление все знающего, не-

нией, воспринимается и другой фильм этих авторов — «Каток».

Была у Иванова-Вано еще одна заветная мечта — снять русскую сатирическую сказку по оригинальному сценарию А.Курса, где был выведен и зло осмеян плюгавенький, с тонким бабьим голоском царь-придурок, заигрывающий с немецкой дородной царичей Тетехой. Совместно с сестрами Брумберг он снял музыкальную сатиру «Сказка о царе Дурандае». Приступая к работе над фильмом, Иванов-Вано вместе со съемочной группой ездил в Сергиев Посад, познакомился с организатором и директором Музея народной игрушки. Окунувшись в богатейший материал народного изобразительного и прикладного искусства, режис-